

Олег РЯБОВ

Поэт и прозаик. Родился в 1948 году в Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт имени А.А. Жданова. Работал в Научно-исследовательском радиофизическом институте (занимался проблемами поиска внеземных цивилизаций), облкниготорге, издательстве «Нижполиграф».

Главный редактор журнала «Нижний Новгород», редактор-издатель альманаха «Земляки», директор издательства «Книги». Член Российского Союза антикваров, Национального Союза библиофилов.

Автор многих книг стихов и прозы и многочисленных журнальных публикаций. Участник антологий «Русская поэзия. XXI век», «Молитвы русских поэтов. XX–XXI», «Антология военной поэзии». Лауреат ряда литературных премий: города Нижнего Новгорода в области литературы (трижды), имени Шукшина «Светлые души» (Вологда), Б. Корнилова (Нижний Новгород); финалист премии «Ясная Поляна» (2013) за книгу «Четыре с лишним года. Военный дневник», шорт-листер премии «Золотой Дельвиг» (2013) за роман «Когиз», премии имени И. Бунина (2012) за сборник стихов «Утки не возвратились». Награжден медалью Пушкина.

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

ДОЧЬ ПРОФЕССОРА

Пьеса

Действующие лица

Марина Попова (в девичестве Лисовская) – смешливая и энергичная).

Саша Попо – её жених, потом муж – авантюрный и самоуверенный.

Лисовский Прокопий Николаевич – её отец, профессор медицины, вальяжный и рассудительный.

Лисовская Мария Генриховна – её мать, доцент строительного института – во всем сомневающаяся.

Софья Николаевна – её тётка, сотрудник издательства, редактор, переводчик, старая дева.

Василий Иванович Попов – папа Саши, энергичный, резкий, даже грубый.

Анна Васильевна – мама Саши, домашняя хозяйка.

Ирина Владимировна – воспитательница детей Марины, 40 лет, интеллигентная и несколько жеманная помощница.

Андрей Андреевич – сторож и охранник в доме Поповых, 60 лет – кухонный мужик, всю жизнь на подхвате у Попова.

Иман – прислуга у Поповых

Действие I

Кабинет профессора, книжные стеллажи, письменный стол с настольной лампой, книги на столе, пачки книг на полу, диван, кресла, журнальный столик. Полдень, Лисовский сидит за фортепьяно, наигрывает один из ноктюрнов Шопена.
Входит Лисовская.

Лисовская. Ты хотел серьёзно поговорить.

Лисовский. Да-да, хотел. Муся, ты мать! Неужели ты не можешь что-то придумать? Ведь это же просто немыслимо: она мне сказала, что познакомилась с этим своим мальчиком на улице. Это что – теперь так положено, знакомиться на улицах?

Лисовская. Проша, ты забыл – мы с тобой тоже познакомились на улице. И потом, они познакомились уже год назад. Сейчас май? Ну так почти уже год.

Лисовский. Не помню, как мы познакомились – во-первых, а во-вторых – это к делу не относится!

Лисовская. А стоило бы помнить! Память ты начал терять раньше положенного, тебе ещё нет и пятидесяти. Кстати, Мариночка с этим её мальчиком Сашей познакомились на теннисном корте, где Мариночка тренируется два раза в неделю, к твоему сведению, а вовсе не на улице, как ты утверждаешь. «На улице» – это образное выражение такое. Ты эти тренировки теннисные её одобрял всегда, потому что сам занимался теннисом в юности. Это нечестный выпад, что, мол, я – мать! Так же и я могу сказать, что ты отец, а, начиная с трёхлетнего возраста, отцы уже должны начинать отвечать и за воспитание, и за образование, и за будущее своих детей. Зона личной материнской ответственности в трехлетнем возрасте значительно сокращается, а отцовской соответственно возрастает. Тем более если ты профессор. Ты уже по определению несешь некоторую дополнительную, уже социальную ответственность, и не только перед семьёй, но и перед обществом, с тебя уже особый спрос.

Лисовский. С этим я согласен и это я принимаю. Но, Муся, существуют ещё и какие-то женские, пусть и не интимные, секреты, но которыми дочь может делиться только с матерью. Я это имею в виду. И ещё – вопрос её знакомства на улице или даже на корте с каким-то непонятным мальчиком непонятно почему относится к несколько табуированной сфере даже в нашем узком семейном кругу. А потому у меня опять вопрос к тебе как к матери: почему это тебя не волнует?

Лисовская. А вот на этот счет я, может быть, смогу тебя немного и успокоить. Я несколько дней назад рассказала о своих опасениях, точнее, о наших опасениях, Евгению Алексеевичу. Ты должен помнить его: он учился со мной в одной группе, в институте, а потом оказалось, что он служит в КГБ, а потом уже и в ФСБ, он – подполковник. Помнишь его?

Лисовский. Помню, конечно! Кто таких людей не запомнит? Если уж раз когда-то и познакомишься с таким, то на всю жизнь. Лучше и не знакомиться, да куда тут деться? Вот, наверное, пора и с этим нашим Сашей уже знакомиться!

Лисовская. Мы с ним говорили по телефону, и я ему рассказала про наших Мариночку и Сашу, сказал ему, что мы с тобой очень волнуемся, и попросила разузнать его что-нибудь про этого мальчика. И вот вчера он мне позвонил и успокоил, если только вообще можно успокоиться в этом плане.

Лисовский. Что значит успокоил? Как можно успокоить?

Лисовская. А так! Он сказал, что этот наш Саша Попов совершенно неожиданным образом – сын нашего городского олигарха Попова Василия Ивановича, того, который депутат. Ну, ты понял, о ком речь. Тот, который и банкиром был, и какими-то союзами руководит, и который всё-всё может, и умеет, и с телеэкрана не слезает. Мужик-трудяга, как о нем отозвался Евгений Алексеевич, хотя и не без греха, опять же, по словам Евгения Алексеевича. Уж что там за грехи, я не стала спрашивать. А потом он как-то странно выразился: что, пока он пользу стране приносит, земля его носить будет. Не поняла я, в общем, половину слов его. Сын этого Попова Василия Ивановича, который наш Саша, с пятнадцати лет с теткой своей, сестрой Василия Ивановича, челночить в Турцию начал и этим дешевым турецким барахлом на базаре торговать. Потом какие-то неправильные, праворукие, что ли, японские автомобили из Владивостока сюда к нам в Россию стал перегонять через всю страну – кошмар! Папа его на это на всё сквозь пальцы смотрел, а потому мальчик и школу толком не кончил, в девятом классе бросил, и в наших институтах не учился, а со справками какими-то липовыми и за деньги где-то за границей учился, и от армии его папа где-то похлопотал и отмазал – это точно! Это я всё тебе рассказываю к тому, чтобы ты не думал и не говорил, что меня ничего не волнует и я ничего не предпринимаю. Волнует! И предпринимаю! А вот ты...

В комнату входит Марина, одетая по-домашнему и с кухонным полотенцем в руках.

Марина. А, вот вы где? Что обсуждаем? Погоду или курс доллара? Я на стол всё собрала – прошу к столу. Сегодня воскресенье – ждём тётю Соню?

Лисовская. Ждём, ждём! Стой, Мариночка, присядь на минутку.

Марина садится.

Марина. Что такое, мамуля?

Лисовская. Ты собиралась познакомить нас со своим Сашей. Когда?

Марина. Сейчас придет тётя Соня, мы пообедаем, потом вы будете пить чай, перетирать мои нежные косточки в предвкушении чего-то необычного, а я побегу на встречу с Сашей, и мы вместе придём к вам за благословением, и будем пить чай все вместе уже большой компанией. Торт и шампанское покупать?

Звонок в дверь.

Лисовская. Да, купите вафельный торт. А шампанское – с какой стати? И поди открой дверь, это Соня пришла.

Марина уходит.

Лисовская. Ну, вот, через два часа нас могут поставить перед фактом, и твоя маленькая проблема решится. Но зато может вырасти новая проблема, покрупнее.

Входит Софья Николаевна.

Софья Николаевна. Что-то вы какие-то озабоченные сегодня. И Мариночка сегодня меня не поцеловала, и у вас молчанка какая-то. Что случилось-то?

Лисовская. Соня, ничего особенного. Просто Мариночка сегодня хочет нас познакомить со своим мальчиком. Надеюсь, что ты тоже удержишься и будешь присутствовать при этой акции.

Софья Николаевна. Задержусь, отчего же не задержаться, даже любопытно. Мариночка, а твоего мальчика как зовут, что он кончал, где работает или служит? В общем-то, ты взрослая уже девочка – можно, и даже положено уже, и кавалера постоянного заиметь. Только просто любопытно.

Марина. Тётя, моего мальчика зовут Сашей, он ничего не кончал, и он работает сам у себя, у него свой бизнес.

Софья Николаевна. С ума сойти! Это что же – он без образования? Как же так можно? В двадцатом веке!

Марина. Сейчас двадцать первый век, тётя! К тому же мой Саша и школу даже не закончил толком – он в пятнадцать лет, то есть в девятом классе, её бросил. Просто он очень умный. Я думаю, что он когда-нибудь президентом станет.

Софья Николаевна. Мариночка, но это же ерундистика полная: у тебя папа профессор, доктор медицинских наук, мама – доцент строительного института и без пяти минут тоже профессор. У тебя в роду за последние двести лет было двадцать профессоров, пять писателей, два адвоката, два министра. Я недавно составила дерево всей нашей семьи: сама удивилась и порадовалась. Ты подумай! Это же мезальянс какой-то получается.

Лисовский. Ну хватит, хватит: про мезальянс – после обеда, а то всё на столе, и уже стынет! Давайте в столовую, и хватит об умном – об умном за столом нельзя! А то, как Чехов-то писал, хуже писателей и философов одни только свиньи едят. И ещё что меня интересует: вот у профессора социальный статус как у народного артиста или всё же пониже – как заслуженный? А народный артист – это уже как академик РАН?

Все выходят. Гаснет свет. Десять секунд темнота. Звуковой хлопок.

Свет снова загорается.

Входят Лисовский с полотенцем в руках, Лисовская и тётя Соня, вытирая салфеткой губы. Не торопясь все усаживаются.

Лисовский. И всё же есть талант у нашей Мариночки: готовит она божественно. Повезёт же её избраннику, когда она замуж выйдет. А впрочем, это лишь подтверждает те положения, которые я отстаиваю последнее время в своих беседах и лекциях: хорошие повара выходят из того круга, где любят хорошо поесть. От бобра – бобрёнок, от свиньи – поросёнок. Вот вы замечали, что у нас в деревнях, и вообще в сельской местности, да и не только у нас, а и за границей то же самое творится: будь то в Европе или в США (там я тоже бывал и по-разному едал). Так вот, на селе, и даже просто в глубокой провинции, приготовлению пищи сплошь и рядом отдаётся меньше

времени и качеству её и разнообразию уделяется меньше внимания, чем в крупных городах, точнее в мегаполисах. Хуже едят в деревне. Пища – ведь это очень важный фактор не только в вопросах выживания отдельного человека, но и развития всей нашей человеческой популяции, если можно так выразиться. А потому и корни всех этих пирожковых, пельменных, фастфудов и макдональдсов, в общем, всех систем быстрого питания – из деревни, из глубокой провинции, а не из культурных центров.

Я понимаю, что «время – деньги», что время надо экономить, а деньги надо торопиться зарабатывать, а это – проблема и забота той прослойки общества, у которой нет за спиной базы, нет за спиной естественной многовековой культурной стены. Это так называемый средний класс! Знаете, кто составляет средний класс в любом обществе? Это те, кто мечтает, чтобы их дети жили лучше, чем они сами живут.

Взять хотя бы вот в последний раз: райцентр, базар, женщина интересная, но уже в возрасте продаёт только что приготовленные, ещё горячие рыбники, большие такие пироги с рыбой. Купили мы, пришли в гостиницу, разрезали... И тесто прекрасное, и температурный режим в печке был выбран правильно: всё пропеклось и не подгорело, а рыба... Рыба, запечена непотрошенная и нечищенная, куски прямо в чешуе, с кишками и с костями. Тесто мы съели, а рыбу выкинуть пришлось. Или вот взять борщ украинский...

Софья Николаевна (*перебывает*). Так, Прокопий, родственнички мои дорогие, про рыбу я всё поняла, а расскажите лучше, что это тут за лапшу мне на уши наша Мариночка навешала? Какой это тут образовался Саша, да, как я уже поняла, уже и жених сразу?

Лисовская. Соня, не выпучивай глаза! Мы сами этого Сашу ещё ни разу не видели, а о его существовании только догадывались. И вот тут совершенно по-шпионски выяснили, кто он такой и чей он вообще. А то, помнишь, как в десятом классе у Мариночки мальчик-ухажер образовался да ещё и золотые серёжки умудрился ей, дуре такой, подарить. Объяснил ей, что заработал, когда сторожем на заводе работал. А потом оказалось, что и этот мальчик уже два раза в тюрьме сидел, а отец его и сейчас сидят. В смысле в тот момент, когда всё это произошло, – сидел в тюрьме. А серёжки были просто ворованные, а даритель этот и сам в тюрьму попал вскоре снова. Нам с Прошей тогда вдвоем пришлось к нему домой ходить, серёжки возвращать, с его матерью разговаривать. Да что с ней было разговаривать: она смеялась и плакала одновременно, а мы не понимали отчего. Мне показалось тогда, что она пьяненькая была. А мальчика этого с Мариночкой мы больше не видели, и она про него не заикалась – поняла, видно, всё. А вот про этого Сашу мы всё через компетентные органы разузнали, и кто его родители, и всё-всё-всё. Ты понимаешь, что он, этот её Саша, сын нашего знаменитого богатея, мецената и олигарха Попова?

А ты, Проша, что всё молчишь – про рыбники какие-то да про борщи тут! Ты что думаешь про сложившуюся ситуацию?

Лисовский. Я с полгода назад в каком-то вестнике судебной медицины прочитал странную и, как мне тогда показалось, даже смешную статью. Я бы позабыл про неё. Но вот сегодня... Автор – немец, доктор наук, психолог – рассматривает брак и, в частности, рождение первого ребёнка в зависимости от физиологического состояния женщины. Описывается не так уж и много у женщины возможностей забеременеть. Описывается большое количество случаев, когда женщины, не беременевшие

много лет, вдруг точно знали и заявляли: «Я вчера забеременела!» А ещё удивительнее случаи, когда безнадежно бесплодные женщины знали, что вот сегодня они могут забеременеть, и беременели. И женихи, которые по многу лет ухаживают за дамой сердца, ждут и часто дожидаются, когда дама созреет и будет готова для материнства. Так же часто мы можем удивляться случайным беременностям от случайных связей, когда рядом были достойные и приличные партии и даже возможности замужества. Ну, в общем, такая смешная статья. Я пересказываю сейчас её содержание безотносительно к нашей ситуации, но если природа распорядилась так, как вышло, то надо знакомиться с мальчиком, с его родителями и решать практические вопросы. А то всё может разрешиться неожиданным, сомнительным или даже предосудительным образом.

Лисовская. И ты что, Проша, всё это серьёзно?

Лисовский. А как же не серьёзно? А то вон как Соня наша – сорок лет со своим академиком Гаспаровым в своем издательстве «Наука» со своими «Литературными памятниками» возилась-возилась, переводила и с французского, и с латыни, и с греческого, а толку никакого! Только всю себя науке отдала.

Софья Николаевна. В каком смысле – толку никакого?

Лисовский. А в том смысле, что ни замуж не вышла, ни детей не нарожала. Сейчас модное такое течение появилось: чайлдфри – мол, мы хотим сначала погулять и порезвиться, а дети – успеется! Но в наше-то время всё было вроде по-другому.

Софья Николаевна. Если ты это про меня, то уж так я порезвилась, так погуляла, что никак не отпыхаюсь! Пахала, вваливала как вол сорок лет! Академик Гаспаров меня любимой ученицей называл, а это дорогого стоит. А то, что замуж не вышла, так я даже тебе, родственничку своему любезному и братику своему любимому, про все болячки свои женские не смогу рассказать всего. Хотя ты всё знаешь и грех на душу берёшь, что сейчас напраслину на меня глупую возводишь.

Лисовская. Я тоже тебя не понимаю, Проша. Вот уже больше чем год и я, и вся моя кафедра билась-билась над тем, чтобы нашу Мариночку взяли на стажировку в Голландию. Ведь то, что Ренцо Пиано понравились её трёхгранные витые пилястры, это ещё ничего не значит. Это значит одно: что ему пилястры понравились. А где он их увидел? В сборнике студенческих работ. Вот в группу Ренцо Пиано, даже на стажировку, ещё надо умудриться попасть. Ведь я, точнее, наш ректорат уже и договор умудрился заключить с Голландией, где группа этого Ренцо сейчас работает, и приказ о командировке на три месяца уже подписан. Ты представляешь, Проша, она же сможет там остаться учиться. А тут!

Софья Николаевна. А кто уж такой этот Ренцо Пиано, что к нему и попасть нельзя?

Лисовская. Центр Помпиду в Париже знаешь?

Софья Николаевна. Знаю. В смысле – на фотографиях видела.

Лисовская. Ну так вот – это работа Ренцо Пиано. Он – наш архитектурный академик Гаспаров, только в мировом масштабе. Это такая школа, после неё диссертацию защитить – раз плюнуть.

Входят Марина и Саша.

Марина. Мамуля, тётчка, я тут Сашу к вам своего на просмотр привела, познакомиться. И, кстати, мы тут кое-что подслушали слу-

чайно, и мне так стыдно за вас стало. Папка, мамулечка, неужели вы думаете, что я эту вашу диссертацию не напишу и не защищу и без этого голландца или итальянца, без этого Ренцо Пиано? Да запросто! И кандидатскую защищу, и докторскую. А ведь тут же, у нас с Сашей, – не просто любовь, а вечность! Это куда интереснее, чем все работы Ренцо. Ты, Саша, давай на стул присаживайся – тебе сейчас будет куча глупых вопросов зададена, а ты от степени их глупости так же глупо отвечай и не злись. Я пошла, чайник поставлю, заварю, и потом будем все вместе чай пить.

Софья Николаевна. Саша, я тётя Мариночкина, если что.

Саша. Я догадался.

Софья Николаевна. Что я хотела спросить! Вы действительно среднюю школу не закончили и вынуждены были пойти зарабатывать на жизнь?

Саша. Это не совсем так, в смысле – не на жизнь. Но если вопрос поставлен – отвечу, и, может быть, вы поймёте. Чтобы покороче! Деньги не всегда являются средством для существования, а чаще всего они являются инструментом: благодаря им можно создать что-то новое и интересное. Вот зачем нужны деньги деловым людям, и потому приходится их и зарабатывать, и копить, а иногда просто занимать на дело под проценты в банке. И эти деньги нельзя потратить на какие-то глупости и развлечения, потому что деньги – это профессиональный инструмент бизнесмена. Так охотник может продать и пропить всё: валенки, лыжи, избу, но не ружьё. Так и музыкант может снять с себя последнюю рубашку и штаны, но не расстанется со своей скрипкой. А чтобы покушать или купить дом, или авто, или самолёт – мой папа очень богатый человек, и на эти пустяки у него денег хватит! О-о-очень богатый! И это – неинтересно. А интересно то, что в кармане у него иной раз ни копейки нет, когда я у него прошу на кино. Вы ведь наверняка знаете уже, кто мой папа? А вот строит он и заводы, и комбинаты какие-то, и электростанции, и теплотрассы. А это же миллиарды! А в кармане – пусто. Мне когда-то, в пятнадцать лет, было просто интересно попробовать зарабатывать деньги самостоятельно, а в школе учиться стало неинтересно. Вот вам интересно новые знания получать, и вы от этого кайф ловите, а мне интересно что-то новое организовывать и создавать, и я от этого так же балдею. А что в жизни важнее – не знаю.

Софья Николаевна. А папа с мамой как на это посмотрели, на то, что вы школу не окончили?

Саша. Ругали меня, конечно, но я всё равно поступил по-своему.

Софья Николаевна. Так у вас вообще никакого образования нет, что ли? Вы читать и писать-то умеете? Вы книги читаете?

Саша. Я учился полгода в Оксфорде, закончил школу бизнеса в Хельсинки, видимо, ещё придётся где-то и когда-то поучиться. Я неплохо знаю английский и французский, так что в этом плане у меня нет проблем. А читать книжечки – «Войну и мир» или Гомера – у меня ни времени нет, ни желания. Может быть, когда вырасту, лет в шестьдесят. А сейчас, пока молодой, пока силы есть, здоровье, энергия, надо дело делать. А то в шестьдесят или здоровья не будет, или сил. Вон у папы друг, академик Зверев, в шестьдесят лет купил себе пианино, нанял педагога хорошего из консерватории, подучился и играет теперь себе на здоровье и для настроения каждый день

полонез Огинского да «Лунную сонату». А молодость он на науку потратил, на дело, на теоретическую физику и на элементарные частицы.

Входит Марина.

Марина. Мамуля, чай в гостиной будем пить или здесь, в кабинете?

Лисовская. Давай тут. Вон журнальный столик освободи и сервируй его. А папа за своим столом посидит, попьёт.

Саша. Мариночка, я должен бежать. Я тебе говорил, чтобы на моём участии в чаепитии не рассчитывали – у меня сегодня дела ещё есть. Да и есть что тут у вас и без меня обсудить. Я знаю, как такие переговоры в деловых кругах проводятся. И тут же у нас с вами всё серьёзно, как в большом бизнесе. Мы ещё не раз встретимся, и чаю попьём, и поговорим. Всем здоровья и до свидания.

Уходит. Все молча сидят. Тихо звучит фортепианная музыка. Марина приносит и расставляет чашки, потом приносит чайник и разливает по чашкам.

Марина. Мамуля, лимон резать?

Лисовская. Конечно.

Марина. А тортик резать?

Лисовская. Конечно резать! И кончай копать, давай садись, у нас к тебе куча вопросов.

Марина. Ну вот – я села. И задавай свои вопросы.

Софья Николаевна. А сколько ему лет?

Марина. Двадцать два, ровесники мы, даже с одного месяца, он тоже Лев.

Софья Николаевна. Воспитанный он у тебя, спокойный, уверенный. А ты что же, к ним в качестве прачки или кухарки идёшь?

Марина. В смысле?

Софья Николаевна. А в том смысле, что ты же читала Марселя Пруста «В сторону Свана»? Там сын нотариуса женится на принцессе какой-то, что ли, но в глазах всех своих родственников он опускается до уровня авантюриста. Так дамы высшего света дарили благоклонностью иногда своих кучеров. Это ведь мезальянс, голубушка, только в инверсии. Ты из почетного положения дочери профессора превращаешься... Мезальянс ведь бывает не только возрастной, не только материальный, но и такой, как и у вас с Сашей. Ты понимаешь это? Ты понимаешь, что существует Сашин высший свет бизнеса, денег и меркантильности и существует наш с тобой высший свет науки и искусства, и они – разные эти сферы! И самое главное – а куда вы торопитесь-то? Защитись – и выходи замуж! Или уже так приспичило?

Марина. Перестаньте, тётчка, я не хочу вас слушать, а может, и любить вас больше не буду никогда, если вы не перестанете. Ничего у меня не приспичило, а если вам захотелось покопаться своими родительскими лапами в области моего интима, то я ещё девушка вообще-то. Диссертацию я для всех вас обещаю защитить: и кандидатскую, и докторскую! И защищу! И мои дети тоже будут детьми профессора. А сегодня я сообщаю вам, что выхожу за Сашу замуж и прошу вашего благословения. Я очень хочу, я прошу вас встретиться с Сашиними

родителями и обсудить с ними практические вопросы. Они тоже хотят с вами увидеться и познакомиться. И напрасно тётчка думает, что они, Сашины родители, что-то неудобоваримое из себя представляют, с его папой федеральные министры советуются, а это что-то значит. Хотите, мы к ним домой съездим, я вчера сама у них в первый раз дома была – знакомилась. А можно и к нам пригласить – как решите, так и будет. Скажите мне.

Встает в театральную позу, читает Ахматову.

В Кремле не надо жить – Преображенец прав.
Здесь зверства древнего еще кишат микробы...

И пойду-ка я к себе в комнату, отдохну от вас, почитаю.

Уходит, свет медленно гаснет, играет легкая инструментальная музыка, в полумраке уходят Лисовские. Минута темноты.

Вспыхивает свет.

Стоят Лисовские в вечерних костюмах. Марина заводит в кабинет родителей Саши Попова. Василий Иванович с шампанским и цветами, а Анна Васильевна – с тортом и зонтиком.

Марина. Папуля, мамуля, позвольте представить вам: это родители Саши, с которым я вчера планировала вас познакомиться, Василий Иванович и Анна Васильевна. А это мои папа и мама (*поворачиваясь к гостям*) Прокопий Николаевич и Мария Генриховна. Я пошла чай заваривать, а модератором вашей встречи я назначаю тебя, мамуля. Чай в гостиной будете пить или тут, в кабинете?

Лисовская. В гостиной. И поставь, пожалуйста, в вазу цветы. Анна Васильевна, пройдёте в гостиную, а мужчины пусть тут знакомятся без модератора. Василий Иванович, садитесь вот в эти кресла, они для гостей, а Прокопий Николаевич пока за своим столом посидит, так он комфортнее и увереннее себя чувствует. Я так понимаю, что от нас сейчас почти ничего не зависит – решение принято без нас и обсуждению подлежат только штрихи?

Анна Васильевна. Не знаю, Мария Генриховна, что вы называете штрихами, только мне кажется очень важным делом венчание, и нельзя это принижать. Надо убедить Василия Ивановича, чтобы он включил это мероприятие в сценарий свадьбы.

Василий Иванович. Анна, вопрос с венчанием дети должны решать сами. Это вы потом можете им заявить, что с внуками невенчанных детей сидеть не будете. А вот штрихи некоторые предстоящего мероприятия, то есть свадьбы, надо нам с вами обсудить. Хотя и по всем штрихам я уже почти всё решил, обсуждать-то вроде уже нечего, надо только утвердить. Потому хочу вам всё доложить, чтобы потом не было каких-то кривотолков и разночтений. Я человек неудобный, самодостаточный, решительный и безапелляционный: решил – сделал, возражения не принимаются, а потому – неудобный.

Анна Васильевна. Поняла-поняла-поняла! Молчу-молчу-молчу! И уйду.

Встает, Лисовская берёт её под руку. Женщины уходят.
Василий Иванович по-хозяйски ходит по кабинету.

Василий Иванович. Мы с Анной про вас всё знаем, по крайней мере всё, что надо. И вы, я думаю, представляете, с кем дело придётся иметь, в смысле с кем родниться. Так что докладываю: до недавнего времени я был председателем совета директоров одного довольно крупного банка, Агротехбанк, практически – хозяином. Банк пришлось продать, потому что я как председатель Всероссийского зернового союза должен быть свободен от всяких финансовых зависимостей. Сейчас Россия становится мировым хлебным хабом, и возникает много новых проблем. Вот кричат все, что Россия осиною зарастает, деревня умирает. И хорошо, что умирает, – раньше семь сельских жителей кормили одного городского, а теперь один сельский кормит пятерых горожан. Так что это значит? И как так получилось? А значит это одно – наши селекционеры вывели такие сорта пшеницы, что в детстве моём, я помню, с гектара снимали шесть центнеров, а сейчас тридцать пять! Это что-то значит! Это значит, что сельских жителей нам в стране надо почти на порядок меньше. Или посевных площадей в десять раз меньше. А остальное – пусть зарастает! И деревня пусть в город перебирается. Жить в деревне? А пусть они, кто за нашу деревню ратует, попробуют: без газа, без воды, без канализации. А на обледенелую дырку во дворе в феврале месяце ходить? Пусть попробуют!

Лисовский (*перебивает*). А скажите, любезнейший Василий Иванович, не знакомились ли мы с вами лет пять назад?

Василий Иванович. Не помню! Что?

Лисовский. Говорю, что не знакомы ли мы с вами уже? Лет пять назад мы с вами, по-моему, участвовали в организации международного студенческого конкурса «Сердце в руках» и совместно работали в оргкомитете! Не так ли?

Василий Иванович. Да, было такое! Теперь я помню! И вас, Прокопий Николаевич, тоже твёрдо теперь уже вспомнил. Ваша идея о возможности упростить отбор конкурсантов тогда, в момент организации конкурса, очень помогла нам. Точнее, даже не нам, а мне – всё равно в результате все в сторону ловко отпрыгнули, а разгребать и к результату работу подводить пришлось мне. Да-да, конечно, мы с вами когда-то знакомились, и это несколько облегчает нашу сегодняшнюю задачу.

В ближайшее время я планирую передать своему Александру некоторые полномочия по ведению и руководству бизнесом, к которому я сейчас имею непосредственное отношение. Пора ему остепениться. Я вчера познакомился с вашей Мариной и остался очень доволен выбором Александра. Я рад, что у них всё обоюдно складывается.

Ходит.

Так вот! Я предлагаю, точнее – я беру все расходы по организации свадьбы, то есть финансирование, на себя и вас сегодня только информирую. Это практически решено. Не то чтобы вы теперь являетесь в качестве гостей, нет – все ваша пожелания и замечания будут и учтены и по мере возможности приняты. Просто я хочу вас сегодня проинформировать о своём предложении, а точнее, уже решении. Я заказываю теплоход для нашей свадьбы, есть там у них, на реке, такая посудина для таких мероприятий, я уже выяснял. Там два ресторана, бар, две танцплощадки, конференц-зал, комнаты отдыха – в общем, всё, что

надо, есть. С гостями – ограничимся одной сотней: тридцать человек с нашей стороны, тридцать с вашей и сорок – пусть молодые приглашают своих друзей.

Лисовский. Да откуда у нас тридцать родственников-то возьмется?

Василий Иванович. А при чем тут родственники? Ректора пригласить надо? Заведующих кафедрами?

Лисовский. Зачем? Зачем на свадьбу моей дочери моего ректора?

Василий Иванович. А затем, что это не вашей дочери и не моего сына праздник, а наш с вами праздник – это мы его организуем и проводим, а молодые пусть потом свои праздники со своими друзьями хоть каждый день устраивают. Такая свадьба бывает у нас с вами один раз в жизни. Случай весёлый расскажу. Были мы тут с моей Анной Васильевной в гостях как-то раз, как бы специально не званые, но случайно нарвались мы на домашнюю свадьбу у нашего старинного приятеля Петра. Точнее, свадьба была у его сына беспутного. Да и не беспутный он, а нормальный сын, в общем-то, только женился уже в пятый раз. Так вот, этот друг мой, Петр, то есть отец жениха, встает с рюмкой из за стола и произносит тост: «Надеюсь – не в последний раз!» С юмором, однако, свадьба была.

Лисовский. Да, с юмором. И что дальше?

Василий Иванович. В смысле – «что дальше»? После загса все собираемся на теплоходе, поздравляем молодых, садимся за столы и идём вниз по Волге тридцать километров до Великого Врага. На посудине будет и тамада, и двое ведущих, которые знают, как свадьбы надо проводить, и нам фантазировать ничего не придётся. В Великом Враге делаем зелёную остановку, все сходят на берег, отдыхаем, выпиваем, молодые садятся в машину специальную, уже заказанную, и едут в аэропорт, а оттуда в свадебное путешествие. Я уже закупил им путёвки в круиз по Средиземному морю на две недели: лайнер один из самых больших в мире, «Музыка» называется, – семнадцать этажей, триста метров в длину, водоизмещение сто тысяч тонн, – в общем, пусть гуляют. Хотел я ещё их обвенчать прямо по ходу в Великом Враге – там и батюшка у меня служит свой, только опоздают тогда они в аэропорт. Ну ничего, недельку-две в грехе проживут, а потом и повенчаются. Вон мы с вами всю жизнь в грехе прожили, и ничего!

Лисовский. Да, в грехе! Грустно как-то всё это всё равно. А пойдёте, Василий Иванович, к женщинам, за стол, борща поедим, водки выпьем за знакомство! А женщины – красенького.

Василий Иванович. Водки? Да, водки можно за знакомство! А женщинам – красенького, говорите? Сейчас случай весёлый расскажу. Сашка ещё маленький был, и жили мы на даче у дальних родственников в Великом Враге. Анна каждое утро за молоком ходила к некоей Нюре, деревенской хозяйке, у которой корова была. И вот однажды она к Нюре с утра приходит, а та с огромным синяком под глазом. Анна спрашивает: «Что с тобой, Нюра?» А та: «Упала я вчера в сених, когда воды пошла попить. Вчера престол был – Никола летний. Пошла я в магазин, купила мужикам вина, а нам, бабам красенького. Сидим за столом, выпиваем, праздник отмечаем, мужики из стопок водку свою пьют, а мы, бабы, – вино из стаканов. Только после двух стаканов что-то качать меня крепко стало. Вот я в сених-то и упала. Откуда же я знала, что это вино красное, которое “Коньяк” называется, тоже как вроде нашей водки».

Действие II

Прошло десять лет.

Зал в особняке Поповых, стол большой обеденный со стульями, кресла, камин, лестница на второй этаж с балюстрадой, две входные двери.

За столом с ноутбуком сидит Саша Попов и что-то в нём пишет и читает. На столе не убранная после обеда посуда.

Играет легкая инструментальная музыка.

Андрей Андреевич (*появляясь в дверях*). Саша, вопрос разреши? Саша (*не отрываясь от гаджета*). Какой ещё вопрос?

Андрей Андреевич. Вот ты мне велел пригласить чучмеков каких-нибудь, чтобы они траву подстригли, дорожки подмели и порядок на участке навели. Я пригласил двоих, они всё сделали и плитку, где она провалилась, переложили – сейчас все чисто, аккуратно, порядок.

Саша. Ну и молодцом.

Андрей Андреевич. А сколько им денег-то дать – они два дня работали.

Саша. Ну ты и вопросы задаёшь. Сколько надо, столько и дай. Таких гостей обижать нельзя, они участковому милиционеру заявление не напишут: они сарай тебе подожгут, и всё, если обидишь.

Андрей Андреевич. Потому я и спрашиваю.

Саша. Дай им десять тысяч. И покажи им дыру на крыше твоей домушки – там что-то делать надо. А сейчас давай быстро – надо же, я только сейчас вспомнил – чеши на огород и нарежь мне букет тюльпанов самых свежих штук пятнадцать и сбрызни их водичкой, чтобы капельки поблёскивали. И тащи букет сюда. Понял?

Андрей Андреевич. Понял. А у них, у этих, рожа не треснет? Десять тысяч! Крышу мы с ними посмотрели – на следующей неделе они придут и всё сделают – рукастые чучмеки попались.

Саша. Ты понял, что я сказал?

Андрей Андреевич. Да понял я, понял.

Саша. Андрей, ты всю жизнь у отца на хозяйстве – ты всё должен знать и всем рулить сам. А последнее время что-то с тобой творится. И не последнее время даже, а уже больше года, наверное. Что случилось?

Андрей Андреевич. Да как Анны Васильевны не стало, плохо я стал что-то некоторые дела делать и соображать, менжуюсь как-то. А с деньгами вообще всё она решала: что купить, что заказать, сколько платить.

Саша. Да, мамы нет. И больше уже не будет. Это был её дом. Тогда давай договоримся – все эти мелкие хозяйственные денежные вопросы решай с Мариной. Меня только на серьёзные, стратегические мобилизуй, а то вот отвлѣк. А вот и она.

Входит Марина.

Андрей Андреевич. Понял я, пошел я.

Уходит.

Марина. Сашуля, у меня к тебе три вопроса.

Саша. Готов, слушаю.

Марина. А почему тут грязная посуда на столе?

Саша. Это что – первый вопрос? Это не ко мне, это к Ирине Владимировне твоей. Хотя я и чай ещё не пил.

Марина (*зовет*). Ирина Владимировна!

Ирина Владимировна. Да, Марина.

Марина. Это что?

Ирина Владимировна. Да не могу я грязную посуду убирать, пока Саша за столом сидит. Я убираю всегда, когда он уже в кресло садится, а сегодня он за столом работает – вот я...

Марина. Уберите всё это и подавайте чай – я тоже попью. Хотя я сама пойду, заварю. Нет, заварите сами. (*Садится за стол.*) Сашуля, ты не забыл, какой сегодня день?

Саша. Что ты, что ты, Мариночка моя.

Встаёт. Входит Андрей Андреевич с тюльпанами. Саша берёт букет, вручает Марине, целует её.

Марина. Как у вас будто всё по нотам разыграно! А ты Андрею Андреевичу сообщил, что сегодня пятнадцать лет нашей совместной жизни? Андрей Андреевич, ты знаешь про то? Саша, ты Андрею Андреевичу не говорил? Так что, Андрей Андреевич, ты вечером с мальчиками в цирк идёшь, а девочек я на Ирину Владимировну оставляю. Сами мы идём в новый самый модный клуб «Гудок». Я купила себе в Милане костюм от «Бёрбери» и сумочку самую-самую от «Гермес Пикотин» как раз для такого случая.

Андрей Андреевич уходит. Ирина Владимировна приносит чашки, чайник, ставит на стол.

Саша. Я всё понял. Только и ты должна была кое-что помнить – я сегодня лечу в Турцию и в Египет дела решать, и через три часа у меня самолёт. Ничего уж тут не поделаешь. Так что клуб у нас с тобой случится через неделю. А если хочешь, полетим в Париж отмечать наш юбилей.

Марина (*разливая чай*). Да помню я – только думала, что сумею тебя продавить. Саша, последние дни ты приходишь домой растрёпанный, как мочалка, или выжатый как лимон – не знаю даже, как точнее выразиться. Может, мне с тобой полететь, может, помочь как-то смогу?

Саша. Нет-нет! Я только хуже волноваться буду. Буду всё время думать о тебе. Лучше скажи, как дела у мальчишек в школе – год-то кончается? Проблем у них нет?

Марина. Нет, проблем нет. Не пугай меня – что это ты про детей вспомнил? Ваня переходит в шестой, Митя – в третий. Оценки у них – только «хорошо» и «отлично». Правда, мне всё время приходится торчать в школе: то какие-то праздники, то ремонты, то экскурсии, то просто нагло денег просят. И какое же это бесплатное образование?

Саша. Ты прекрасно знаешь: сыр бесплатный – только в мышеловке.

Марина. Сегодня Ваня на тренировке, на футболе, Митя – на французском, вечером они в цирк пойдут. Английским они каждый день с Ириной Владимировной занимаются, и у них очень хорошие успехи – она сама мне говорила. Девочки, Полинка с Дашкой, наверху с дедом сидели только что, играли, баловались: он в них души не чаёт. Сейчас

они побежали на участок. Как они интересно играют, близняшки, – который год, пять лет уже, смотрю на них и изумляюсь. А дед спит – Ирина Владимировна проверяла. Я в этом месяце планирую снова в Милан слетать. Вот ты вернёшься, и я полечу. Надо мальчишкам и обувь какую-то на лето прикупить, и трусики с маечками. Сейчас родители хотели прийти, ты дождёшься?

С а ш а. Нет-нет! Мне уже пора.

В комнату заходят Мариночкины родители.

Мария Генриховна. А вот и юбиляры! Ставьте бутылку на стол. Мы ведь не по пути, а целенаправленно – такие даты положено отмечать в кругу родственников.

С а ш а. Мария Генриховна, Прокопий Николаевич, простите, Христа ради. – не могу, не успеваю – спешу. А потом я ещё и в Турцию по делам улетаю сегодня, прямо сейчас – надо только ещё подготовить документы, которые с собой беру. Убегаю! Целую и убегаю. С вами я прощаюсь, а с тобой, Марина – не знаю, как получится.

Уходит.

Марина. Папуля, мамуля, садитесь за стол чай пить. Правда, могу и полноценным обедом накормить – у меня всё есть: есть настоящий рассольник с каперсами, сосисками и копченостями. А хочешь, папка, – могу просто угостить правильно приготовленной бараньей почкой с моим персональным острым соусом. Помнишь, за что мистер Блум у Джойса в «Улиссе» любил с утра баранью почку? За то, что во рту на нёбе на целый день оставался лёгкий привкус мочи!

Декламирует.

В таверне воровская шайка
Всю ночь играла в домино.
Пришла с яичницей хозяйка,
Монахи выпили вино.

Мария Генриховна. Давай чай, раз вина нет. Мы шли, рассчитывали на праздник. Семейные даты надо в семье отмечать. И что это ты и Мандельштама, и Джойса вспомнила?

Марина. У меня всё, конечно, есть. И Мандельштам, и Джойс! И вина для вас сейчас найду. Только праздника нет. Давайте крымского «Кокура» дамского, сладенького по рюмочке? А папка не будет, наверное?

Сядутся за стол. Ирина Владимировна приносит чайник, расставляет чашки, Марина достает из буфета бутылку, рюмки, разливает.

Прокопий Николаевич. Нет, не буду я с вами вино, и баранью почку твою тоже не буду – привкус мочи на нёбе я не люблю! Ты расскажи нам лучше, как Василий Иванович себя чувствует? Он пришел в себя после смерти Анны Васильевны или по-прежнему... хандрит? Нехорошо я выразился!

Марина. Да, он все дела свалил на Сашеньку моего, а сам хандрит: сидит у себя в комнате, в телевизор уставившись. Вечером с Сашенькой час или полтора пошепчутся о чем-то, и всё! Я даже не представляю, как он раньше тянул всё это сам и один – мой Саша просто погибается! Не представляю! А потом, он ещё матом стал ругаться, и по делу, и без дела. Да, грязно как-то всё выражается-то! Как матрос! Я слов-то таких не знаю – сам он на ходу, что ли, придумывает. Я за мальчишек своих уже думаю: как бы они тоже не начали материться. Всё же им восемь да двенадцать лет.

Прокопий Николаевич. Есть на свете такие мужики-ломовики, как твой Василий Иванович, – на них весь мир стоит. Ты не помнишь, как пятнадцать лет назад ты нам с матерью сказала, что защитишь и кандидатскую диссертацию, и докторскую, и профессором станешь и чтобы мы на этот счёт даже не волновались. Так как? Это я не в упрёк, а к тому, что тянуть всё в одиночку – не каждый сможет! Это я про ребяташек уже твоих. А за мальчишек не волнуйся: дети, они стерильные, к ним шелуха словесная, матерная не пристанет. Меня ты больше волнуешь – как бы к тебе не прилипла вся эта грязь новая. Ты можешь на этот счёт у своей тётушки поинтересоваться, она тебя просветит: русский язык, он самоочищающийся. Знаешь, сколько мусора приходило в него в мутные эпохи, и не само приходило, а писатели сами и заносили: и в «пушкинские времена», и после революции, в двадцатые, и в страшные девяностые.

Марина. Папка, а ты прав – у меня сейчас по этому дому целых четыре мои настоящие докторские диссертации бегают, а точнее – две кандидатские, а две уже настоящие полноценные докторские. И мне придется защищать их ещё много и много лет! Ты с этим согласен? Ты же умный!

Прокопий Николаевич. Да-да, конечно!

Мария Генриховна. А с Ириной Владимировной у тебя как отношения складываются? Хотя что я спрашиваю? Конечно, у вас с ней должно всё получаться. Она мне кажется очень достойной женщиной, культурной, образованной. Я тут по телевизору смотрела какую-то воспитательно-образовательную программу, и там говорилось открытым текстом, что сейчас у наших богатеев-миллионеров на Рублёвке очень модно нанимать в качестве горничных и нянь филиппинок. Я не знаю, какие они, эти филиппинки, – как китайцы или как африканцы, только всё равно: чему они могут хорошему научить наших русских детей. Хотя мелькнула у меня одна конспирологическая теория, что на Рублёвке давно уже не живут русские люди! Как тебе моя мысль?

Марина. Не знаю, не знаю, мамуля, – у меня друзей на Рублёвке нет. Надо подумать, а лучше – проверить! Я же тебе говорила уже как-то, что Ирина Владимировна – кандидат педагогических наук, что она доцент пединститута. Просто, когда там у них в институте перестали зарплаты платить, мы её к себе забрали. Мы с Сашей очень ею довольны. А вот у деда с ней дружба не складывается, и мы ничего не можем поделать – раз в два или в три месяца они ругаются. Ирина Владимировна собирает каждый раз уходить, собирает свои сумки, а нам с Сашей приходится её уговаривать, умолять просто!

Мария Генриховна. А как у тебя с Андреем Андреевичем отношения?

Марина. Ой, мамуля! Я же помню, как когда-то тебе говорила, что он злой дядька, очень злой! А ты поверила, заволновалась и всё

расспрашивала меня. Я так глупо тогда пошутила. Он очень добрый, отзывчивый и предупредительный, и он всё-всё умеет. Такой он рукастый, что просто диву даёшься, что есть на свете люди, которые всё умеют. Он же и электрик, и сантехник, и садовник, и механик у нас.

Мария Генриховна. Слышала я всё это от тебя уже не раз – молодец он у вас. И всё же я очень обижаюсь на тебя, и не верю я, что нет у тебя ни минутки свободного времени, чтобы заскочить к нам – если сложно с ребяташками, то хоть сама. Ты ведь одна у нас. Мы ведь тебя иной раз месяцами не видим, трудно, что ли, захватить?

Марина. Ну что ты, мама, говоришь? Я к вам часто заскакиваю – и в этом месяце была, и в прошлом.

Мария Генриховна. Мариночка! Так, как ты – сунула какие-то презенты и комплименты из Барселоны или Эмиратов и, не раздеваясь, побежала дальше – лучше бы и не заскакивала, обидно даже! Так ведь только к чужим людям забегают – на ходу, не раздеваясь, только чтобы отметить. А мы... Ты иногда задумывайся, что мы уже в годах... Скоро, очень скоро... И всё!

Марина. Мамуля, я всё поняла – не распаляйся.

Мария Генриховна. Ладно, вина мы выпили, чаю тоже. Так, а где девчонки-то твои, внучки-то наши, Даша с Полей?

Марина. На лужайке они, вон – под окнами. Пойдемте на улицу, а потом я вас на машине домой отвезу. Мне самой ещё надо за мальчишками на стадион съездить и в салон там один зайти, заказ сделать.

Уходят. Детские крики за окном «Ура, дедуля, бабуля!»

Сцена погружается во тьму на минуту.

Включается свет: вечер, за окнами темно, горят настенные бра.

На верхних ступенях лестницы, ведущей на балюстраду, стоит Василий

Иванович с растрёпанными волосами, в домашнем ярком халате, на нижней ступеньке сидит и плачет Ирина Владимировна.

Василий Иванович. Ирка, сволочь такая, я тебе не то что пошнее – я тебе ещё и жопу дубцом напорю, курва рваная. Сказал же тебе, вошь лобковая, чтобы ты мне чай сюда, на второй этаж, принесла. Дети у неё! Дети твои подождут, могут и на горшке посидеть десять минут, когда я позвал. А и обосрутся – невелика беда. Бегом должна бегать, когда меня видишь, а то ведь я и глаз на жопу могу натянуть. Ты ещё не знаешь меня!..

Дальше все слова запикиваются, а Василий Иванович только жестикулирует. Входит Марина, стильно одетая, красивая, в модном плаще в пол, с модной сумкой через плечо, в шляпе. Останавливается около сидящей Ирины Владимировны.

Марина. Ирина Владимировна, это он что – с вами так разговаривает? Это он вас обидел?

Молча переводит взгляд с Ирины Владимировны на Василия Ивановича и снова на Ирину Владимировича. Молча поднимается по ступенькам, ведущим на балюстраду. Встает рядом с Василием Ивановичем и как-то оказывается даже выше его. Берёт его рукой за грудки и силой опускает его на ступеньку ниже себя. Василий Иванович замолкает и перестает жестикулировать.

Марина. Послушай, ты, старый козёл, – если ты хоть раз ещё посмеешь просто повысить голос на Ирину Владимировну, если я только узнаю об этом от кого-то, я тебя не только с лестницы спущу, не только ноги переломаяю – я тебе башку просто отверну. Я тебе это точно говорю, и ты можешь в этом не сомневаться. Ирина Владимировна – моя помощница, она ухаживает за моими детьми, заботится о них, воспитывает их, и ты должен относиться к ней нежно, как к своей любимой и ненаглядной, если хочешь нормально жить в этом моём доме. Понял? В моё-ом! Если только я узнаю... Не посмотрю я на твоё коммунистическое и бандитское прошлое. С сегодняшнего дня бойся меня. Пока была жива Анна Васильевна, я тебя терпела, ты был приложением к ней, а она была мамой моего Сашеньки, она родила его – потому она для меня святая! Ты же для меня сейчас просто гнида пересохшая, а Ирина Владимировна – кандидат педагогических наук.

Василий Иванович вдруг как-то скукоживается и садится на ступеньку.

Свет гаснет, и звучит сирена «Скорой помощи». В темноте звучат слова: «Носилки, носилки, инсульт это, парализовало, быстро в больницу его!»

Через минуту свет включается.

Василий Иванович сидит, укрытый пледом, в инвалидном кресле, на голове несуразный больничный колпак. Шарится скрюченной рукой в складках халата, достает айфон и неуклюже набирает номер.

Василий Иванович. Дашенька! Или это Полинка? Дашенька, я по секрету тебя попрошу – когда ваша мама пойдет к вам вашу вечернюю сказку читать, возьмите меня с собой. А что она будет вам читать сегодня? Не «Золотую рыбку»? Нет? «Конька-Горбунка»? Это же прекрасно. Помню я, помню – «...Вот конёк бежит по киту, по костям стучит копытом».

Входит Марина, тихо со спины подходит к старику, стоит молча. Почти сразу за ней входит Андрей Андреевич.

Андрей Андреевич. Марина Прокопьевна, там ещё одна пришла.

Марина. И что? Как она тебе?

Андрей Андреевич. Да как! Такая же, как и те, – черненькая. На машине приехала. Говорит хорошо, правильно и без акцента. Говорит, что у неё рекомендации, как вы велели.

Марина. Так, а что значит черненькая – негритянка, что ли? Или филиппинка? Или таджичка? Не спросил?

Андрей Андреевич. Нет, вы уж сами.

Марина. Сами, сами – тебе с ней работать-то! Тебе-то она как – глянулась?

Андрей Андреевич. Марина Прокопьевна, мне после Ирины Владимировны, наверное, уже никто не глянется. Обидно, что она ушла от нас – деликатная она была, вежливая, предупредительная. В общем, не знаю даже, как выразиться. И мальчишки при ней были как джентльмены молоденькие, что ли! В общем, плохо без неё.

Марина. Плохо, неплохо – ничего, перетопчемся. Так, а где она, эта твоя черненькая?

Андрей Андреевич. Да вот за дверью стоит.
Марина. Ну-ка давай её сюда.

Андрей Андреевич за руку в зал заводит маленькую женщину.

Иман. Здравствуйте, Марина Прокопьевна. Меня агентство прислало по вашей заявке. У меня вот тут в папке рекомендации и резюме.

Марина. Потом. Не гони. Тебя как зовут?

Иман. Иман.

Марина. Понятно. Таджичка?

Иман. Нет – казашка. Я МГУ закончила.

Марина. Вот это-то и плохо – твоё МГУ. В общем, заходи завтра в девять. Нет, попозднее – в десять. Поговорим.

Снова поворачивается к сидящему в кресле-каталке старику,
гладит его по голове.

Марина. Возьмём мы тебя с собой читать «Конька-Горбунка», возьмём. Это я виновата во всём, я. Дурочка глупая – так старика напугала. Дура, дура, дура.

Занавес